

РАЗВЛЕЧЕНІЯ

ЖУРИАЛЪ

ЮМОРИСТИЧЕСКІИ СЪ КАРРИКАТУРАМИ

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: Въ Москвѣ безъ доставки на годъ 4 р., на полгода 2 р. 50 к. Съ доставкой или перерылкой на годъ 5 р., на полгода 3 р. с. Цѣна отдѣльному № 15 коп.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ: Москва, Покровка, Машковъ пер., д Миллера. Каждая переѣзда адреса 20 коп., при этомъ нужно представить прежній печатный адресъ.

Больной. Ахъ, докторъ, помогите мнѣ: я чувствую адскія муки!
Докторъ. Какъ? утѣ?

[Handwritten flourish]

н-211

РЪ ШРАВА

КЪ СВЪТУ

(повѣсть изъ быта старо-
обрядцевъ).

(Продолженіе).

XI

ЖЕРТВА ДЛЯ БРАТА.

Въ продолженіи вечеринки Катерина успѣла по секрету передать Константину о своемъ свиданіи съ его братомъ. При извѣстіи о нищетѣ Антопа, о сильномъ повидимому его нравственномъ разстройствѣ, молодой человѣкъ былъ такъ огорченъ, что, не смотря на свое собственное счастье, мысленно сравнивая свою будущность съ разбитымъ существованіемъ Антопа, онъ упрекала себя, что, забывъ горе брата, такъ беззаботно и весело проводилъ эту ночь, когда бѣдный странникъ не пашель другого ложа, кромѣ холодной плиты, скрывающей прахъ ихъ общей, дорогой матери. Если бы онъ могъ убѣжать тотчасъ отъ пирующихъ гостей, покинуть свою любимую певѣсту, онъ бросился бы къ брату, но какъ пѣшникъ, онъ не могъ вынутаться изъ сѣтей приличія и долженъ былъ, подавивъ свое нетерпѣніе, дожидаться конца пира. Когда все угомонилось въ Ужовѣ и усталое его населеніе предалось тяжелому сну, Константинъ поспѣшилъ на кладбище, но не пашель уже тамъ Антопа; инстинктивно онъ пошелъ къ православной церкви и на панерти увидалъ молящагося странника. Собственная подъ тяжестью горя и бѣдности фигура ясно обрисовывалась при свѣтѣ запымавшейся зари. Братья горячо обнялись; послѣ четырехлѣтней разлуки они почувствовали, что ихъ родственное расположеніе нисколько не уменьшилось.

Костя плакалъ на груди странника, унимававшего его ласковыми словами и поцѣлуями въ бѣлый, прекрасный лобъ и черныя шелковистыя кудри.

— Дитя мое! не плачь, не жалѣй обо мнѣ: я счастливъ твоимъ счастьемъ, я молю Создателя, да пошлетъ Онъ тебѣ двойнѣ и за меня, и за тебя благословеніе. Живи, люби свою жену, родите сына—назовите его моимъ именемъ; научите его любить старика-дядю. Если Господь пособитъ мнѣ купить себѣ келію, побороть мой нравственный недугъ и постричься, тогда не бродячій бѣднякъ, каковъ я теперь, а настоящій монахъ навѣститъ васъ тайкомъ, чтобы не навлечь на

васъ нареканія отъ родителей, ненавидящихъ церковныхъ...

— Что такое ты говоришь купить келію?... Я не понимаю, объясни пожалуйста, спросилъ Константинъ.

— Это значить, мой милый братенко, что вступленіе въ монастырь и права общежитія въ нихъ сопряжены съ разными препятствіями, изъ коихъ самое главное—деньги!... Съ деньгами я могу купить келію, или хоть уголь въ келіи и имѣть оскѣдность, не боясь, что на утро меня выгонять; а безъ денегъ я послушникъ, я рабъ!... При малѣйшемъ неудовольствіи, клеветѣ, или собственнн слаботи, меня вытолкнутъ, какъ это уже много разъ со мной случалось, и опять мнѣ придется вести эту ужасную бродячую жизнь, которая, какъ ты видишь, довела меня до преждевременныхъ сѣдинъ и морщинъ...

Съ состраданіемъ глядѣлъ Константинъ на прежде бывшаго красиваго, цвѣтушаго молодца, теперь худаго, желтаго и оборваннаго, не похожаго на самого себя.

— А много ли нужно денегъ, чтобы купить келію? спросилъ Костя подъ влияніемъ какой-то затаенной мысли.

— Рублей триста, пятьсотъ и болѣе... какой монастырь, какая келія, отвѣчала разсѣянно странникъ.— Оставимъ этотъ разговоръ о несбыточной мечтѣ, поговоримъ лучше объ тебѣ. Какъ ты съ отцомъ? Ладилъ ли съ мачихой? Любить ли тебя Настя? Я помню ее дѣвочкой лѣтъ четырнадцати, она была такая черноглазая воструха... а теперь ужъ певѣста, скоро жена!

Братья долго разговаривали; наконецъ народъ началъ показываться на дорогѣ, и Антопа посовѣтовалъ брату оставить его, чтобы не навлечь гнѣвъ отца, если онъ узнаетъ о ихъ свиданіи.

— Приходи уже ночью опять сюда, сказалъ Антопа на прощанье. Я совсѣмъ уйду, можетъ быть, никогда не ворочусь, такъ хочется еще разокъ увидать тебя...

Константинъ обѣщалъ непременно прійти и они расстались.

Прощеное воскресенье покончило веселье и гульбу въ Ужовѣ; все населеніе перецѣловалось, перекланялось другъ другу въ ноги, приговаривая: «прости, Христа ради!» Поѣли несмѣтное число блиновъ, заговѣлись рыбкой на семь пѣдѣлъ и до полуночи улеглись спать. Все замогло, кромѣ спущенныхъ съ цѣпи собакъ да безпородныхъ фабричныхъ, оглашавшихъ своимъ хриплымъ пѣніемъ тишину мрачныхъ улицъ, возвращаясь толпами изъ кабаковъ въ свои неопрытныя нары, гдѣ долго еще раздавалась брань, возня, вкота и другіе неприятные звуки.

Константинъ явился на условное свиданіе; братъ ждалъ его у церковной ограды, но калитка была съ

вечера заперта сторожемъ и надо было искать для ихъ бѣды мѣсто болѣе удобное, чѣмъ большая дорога, гдѣ то и дѣло сновали рабочіе. Братья обошли кругомъ церкви и очутились на крутомъ берегу рѣки, скованной еще ледянымъ покровомъ; золотой серпъ луны спокойно плылъ по безоблачному небу и отражался на окраинахъ рѣки, гдѣ нетерпѣливыя волны прососали снѣгъ и подпрыгивали, словно радуясь близкому освобожденію. Изрѣдка слышался трескъ льда, поддававшася напору ручьевъ, съ шумомъ катящихся внизъ, по направленію къ рѣкѣ. Поля за противоположнымъ берегомъ пестрѣли оголенными отъ снѣга кочками и горизонтъ рѣзко отдѣлялся мрачнымъ сосновымъ лѣсомъ на отдаленной лазури небесъ. Антопъ сѣлъ на толстый пенъ срубленнаго дуба и показалъ брату мѣсто возлѣ себя, на томъ же пнѣ, склонившемся надъ пропастью. Костя пріютился возлѣ странника и, нависнувъ на его плечи полу своей шубы, прижался къ нему.

— Погрѣйся, милый братъ! сказалъ онъ. — Какъ-то ты пойдешь въ такой изорванной одеждѣ!... Еще почти холодно... еще могутъ быть морозы...

— Я привыкъ ко всему, и къ холоду, и къ голоду! отвѣчалъ Антопъ. — Я хаживалъ все въ той же ряскѣ и въ трескучіе морозы, да Богъ меня хранилъ и согрѣвалъ... и впродѣлю уповаю на Него...

— Ты вчера говорилъ, что желалъ бы купить келію и постричься,—послѣ краткаго молчанія началъ смущеннымъ голосомъ Костя. — Я принесъ для этого денегъ; но ты долженъ дать мнѣ клятву, что не иначе истратишь ихъ, какъ на доброе твое намѣреніе, что ты устроишь себѣ пріютъ подъ старость, что ты бросишь эту странническую жизнь, которая подъ конецъ можетъ привести тебя къ гибели гдѣ нибудь въ лѣсу...

— Откуда ты взялъ денегъ? спросилъ съ удивленіемъ Антопъ — Я знаю, что отецъ по своей жадности не дастъ тебѣ ни гроша, а невѣста твоя не довольно богата, чтобы...

— Это дѣло мое, откуда я взялъ денегъ! прервалъ его меньшей братъ. — Прошу тебя, оставь распросы, возьми деньги безъ сомнѣнія: онѣ мои и я тебѣ ихъ дарю,—вотъ все, что я скажу.

Антопъ глядѣлъ пристально на брата; луна прямо ударила ему на лицо; странное его выраженіе, блѣдность, лихорадочный блескъ глазъ и смущеніе не укрылись отъ его наблюденія.

— Нѣтъ, Костя! я не иначе возьму деньги, какъ если ты скажешь истинную правду, гдѣ ты ихъ взялъ: занялъ, или...—онъ вдругъ замолчалъ, словно внезапное подозрѣніе охватило его.

— Ну, изволь! я скажу всю правду... отвѣчалъ Константинъ рѣшительно. — Ты помнишь сундучекъ нашей матери, куда она передъ смертью собрала свои кольца, серьги, часы, цѣпочки, жемчугъ, серебряныя ложки, старинныя рубли и прочія вещи, полученныя ею еще въ приданое?

— Да, знаю этотъ ларецъ пальмаваго дерева, съ серебряной насѣчкой... Я не разъ любовался имъ, когда отецъ держалъ меня подъ замкомъ въ подвалѣ, откуда ты меня вывелъ, помнишь?

— Какъ не помнить эту ужасную ночь! Могу ли я забыть то, что я увидалъ при свѣтѣ фонаря, когда я нагнулся надъ трупомъ моего брата?.. Да ты казался мнѣ тогда мертвецомъ, такъ ты былъ неподвиженъ, блѣденъ и худъ...

Онъ обнялъ странника и долго молчалъ, склонясь на его грудь, погруженный въ эти печальныя воспоминанія.

— Отецъ отдалъ мнѣ этотъ сундучекъ! продолжалъ Костя, услоковясь. — Онъ велѣлъ выбрать кое-какія вещи и передѣлать ихъ для моей невѣсты... Однимъ словомъ, это наследство матери теперь въ полномъ моемъ владѣніи... Я сказалъ своей Настѣ, что самый драгоценный изъ всѣхъ этихъ вещей подарокъ для моей невѣсты—это бирюзовое колечко, снятое съ руки матери послѣ ея смерти... Настя такая добрая и такъ меня любитъ, что безъ труда ободается безъ этихъ ничтожныхъ украшеній для добраго дѣла... Я заложилъ эти вещи... мнѣ дали за нихъ триста рублѣй... вотъ деньги... возьми ихъ!... Со временемъ, когда я женюсь, мы съ женой скопимъ эту сумму и выкупимъ вещи, которыя по справедливости должны принадлежать тебѣ, какъ старшему брату; покрайней мѣрѣ половина безспорно твоя.

— Правду ли ты говоришь? И можетъ ли быть, чтобы отецъ вдругъ такъ расщедрился? говорилъ въ раздумьѣ Антопъ. — А если онъ тебя спроситъ, гдѣ вещи? что ты скажешь?

— Я скажу, что отослалъ ихъ въ Москву въ передѣлку къ ювелиру... я найду отговорку... я займу и куплю невѣстѣ брилліантовъ. Катерина мнѣ предлагала денегъ... короче сказать, не безпокойся! Господь мнѣ поможетъ все уладить... я не худое что затѣялъ... я не боюсь ни отвѣта передъ людьми, ни грѣха передъ Богомъ!...

Антопъ колебался; какое-то тайное предчувствіе тяготило его и отталкивало его руку отъ этихъ денегъ. Костя настаивалъ, чтобы братъ взялъ пачку ассигнацій, завязанныхъ въ платокъ. Послѣ долгой борьбы Константинъ подошелъ къ обрыву надъ рѣкой и сказалъ:

— Соглашайся, братъ! Если ты еще разъ откажешься, то вотъ мое послѣднее слово: клянусь дорогой памятью

нашей матери, я брошу узелъ съ деньгами въ полынью и никто не достанетъ ихъ изъ-подо льда!...

Послѣ нѣсколькихъ минутъ колебанія страшикъ сказалъ:

— Хорошо! я согласенъ!

Костя радостно прыгнулъ съ большаго камня, гдѣ онъ стоялъ надъ пропастью, и передалъ узелокъ брату.

— Теперь прощай! вымолвилъ Антоць, спрятавъ деньги подъ ряску на голую грудь. — Спасибо тебѣ, голубчикъ; за твою помощь Господь наградитъ тебя и пошлетъ вамъ съ Настей счастья. Миѣ пора идти... на фабрику у Семена Сергѣича ужь пропѣли третьи пѣтухи... вонъ полоска на небѣ показываетъ, что скоро займется заря. Миѣ до свѣту надо быть подальше отъ Ужова, чтобы никто не видалъ, куда я пойду...

Братья горячо обнялись; Костя плакалъ навзрыдъ.

— Увижу ли я тебя, родной? говорилъ онъ. — Приди послѣ Святой, когда я буду женатъ.

— Приду непременно, хоть на одну ночь... приду отдать отчетъ въ твоемъ подаркѣ. Если буду живъ, то мы увидимся здѣсь на Мироносицкой недѣлѣ.

Антоць надѣлъ свою котомку на плеча, подтянулъ ремень вокругъ пояса, поправилъ худую обувь, перекрестился на храмъ и въ послѣдній разъ обнялъ брата.

— Кланяйся Катеринѣ, сказалъ онъ тихо. — Скажи ей... — онъ махнулъ рукой. — Штъ, не говори ей ничего... пусть лучше забудетъ обо мнѣ... — Онъ быстро зашагалъ по дорогѣ, опираясь на свой посохъ странника; потомъ обернулся и еще разъ крикнулъ: «прощай!»

Долго Константинъ провожалъ глазами удалявшуюся фигуру; когда Антоць совсѣмъ скрылся изъ глазъ, Костя, опустя голову, грустно побрелъ домой.

Въ то же самое время другой странникъ — раскольничій «адамантъ», выходилъ изъ села, напутствуемый самыми горячими пожеланіями своихъ почитателей, съ туго набитой котомкой и съ полнымъ кошелькомъ на крестѣ. Антоць побрелъ къ Москвѣ, а Данилъ по направлению къ южнымъ губерніямъ.

На второй недѣлѣ поста недобрая вѣсть пронеслась по селу: у Филиппа Савельева совершенъ довольно крупная кража и онъ заподозрилъ своего сына, котораго часто посылалъ въ кладовую за товаромъ. Раскольничій попъ отправился съ сыномъ въ станъ. Когда старикъ объявилъ о своемъ подозрѣніи, или лучше сказать убѣжденіи въ виновности сына, то становой, человѣкъ добродушный и сострадательный, неохотно принялся за формальное дознаніе. Онъ старался образумить разгнѣваннаго старообрядца: зная его семейныя отношенія по общей молвѣ о жестокости съ старшимъ сыномъ, чиновникъ съ участіемъ глядѣлъ на Костю, напрасно ища

въ его наружности сходство съ мошенникомъ. Онъ представилъ Филиппу всевозможные доводы, все неприличіе такого дѣла, какъ обвиненіе роднымъ отцомъ сына въ столь низкомъ проступкѣ; онъ совѣтовалъ ему одуматься, пожалѣть Костю ради его молодости; если бы сынъ раскаялся, то можно бы отцу и простить первую ошибку послѣ поведенія, до сей поры безукоризненнаго.

Старикъ ничего не хотѣлъ слушать.

— Онъ не сынъ миѣ, если рѣшился украсть! Въ моей семьѣ нѣтъ вора! Его мѣсто въ острогѣ! И нѣтъ ему моего прощенія!... На смертномъ одрѣ ничего ему не дамъ, кромѣ проклятія!...

Становой съ досадою отвернулся отъ неумолимаго отца и обратился съ распросами къ самому Константину. Молодой человѣкъ не отвѣчалъ и не оправдывался. Это странное поведеніе и какъ будто затверженная роль добровольнаго страданія подала подозрѣніе становому, что тутъ кроется какая-то тайна, а можетъ быть и цѣлая семейная драма... но какая именно?... виновенъ ли Константинъ?... не жертва ли онъ клеветы или самопожертвованія? — разгадать было трудно. Приступили къ дознанію; два старика, приглашенные въ качествѣ понятыхъ, не скрывали своего неодобренія строгости Филиппа Савельева и рѣзко напомнили ему, что одного-де сына загубилъ, такъ и другаго хочется упрятать въ Сибирь, чтобы все имѣнье отдать мачихинымъ дѣтямъ... Филиппъ поблѣднѣлъ при этихъ упрекахъ, но не перемѣнилъ своихъ показаній.

— Пишите, ваше благородіе, говорилъ упрямый старикъ. — Что сказано, того не воротись... я отъ своихъ словъ не отпираюсь!... Пишите, что я обвиняю своего сына Константина въ кражѣ...

— Какія вещи у васъ пропали? перебилъ съ нетерпѣніемъ чиновникъ.

Филиппъ поименовалъ все, что находилось въ палаточномъ ларцѣ.

— Всѣ эти вещи принадлежали моей покойной матери и были положены ею самой въ депъ своей кончины съ тѣмъ, чтобы онѣ были переданы намъ, то-есть брату Антопу и мнѣ, когда мы придемъ въ возрастъ, замѣтилъ Костя тихо и спокойно.

Старикъ позеленѣлъ и метнулъ на сына зловѣщій взглядъ, не заставившій однако молодаго человѣка опустить свои ясныя очи.

— Правда ли это? спросилъ становой.

— Ложь... пустяки! вещи эти мои собственныя... жена моя не имѣла отъ меня никакого отдѣльнаго имущества! запальчиво вскрикнулъ раскольничій попъ.

— Слова мои могутъ подтвердить свидѣтели: Захаръ Ларионовичъ и еще одинъ почтенный фабрикантъ; они

были при кончинѣ матушки и слышали ея завѣщаніе, дополнилъ Костя.

— Это дѣло слѣдователя! сказалъ становой. — Къ сожалѣнію, я долженъ препроводить это дознаніе къ нему... и вы послѣдуете вмѣстѣ съ дѣломъ въ его распоряженіе...

Дознаніе пошло своимъ чередомъ: обвиненіе стараго раскольника и объясненія его сына были записаны; понятые приложили руки... актъ скрѣпили и на слѣдующее утро сотскій съ конвертомъ и съ личностію арестанта отправленъ въ ближайшій городъ къ мѣстному слѣдователю.

Этотъ господинъ, не столь гуманный, какъ становой, заваленный дѣлами, привыкшій къ ежедневнымъ гнуснымъ преступленіямъ, которыя обыкновенно гнѣзятся въ такихъ мѣстахъ, гдѣ скучено много фабрикъ, не обратилъ никакого вниманія на Константина и велѣлъ засадить его вмѣстѣ со всевозможными отпѣтыми личностями, составляющими общее населеніе городскихъ тюремъ и остроговъ.

XII

Д В Ъ Н Е В Ъ С Т Ы .

Насталъ чистый понедѣльникъ и все угмонилось въ селѣ. Красильный мастеръ, грустный, разстроенный душевной бурей, принялся за свои обыденныя занятія. Протекла и первая недѣля поста; онъ упрамо избѣгалъ встрѣчи съ Стѣфой, не ходилъ къ нимъ и даже отвертывался, когда она ходила мимо его окна гулять съ его сестрою. Въ одинъ вечеръ Порфирій читалъ при свѣтѣ своей лампочки; вдругъ онъ услышалъ рѣзкій голосъ молодаго Снѣгова, который, войдя въ прикащичью комнату, спрашивалъ, гдѣ Кассіановъ; прикащики засуетились и показали ему дорогу въ комнату мастера.

— Что это вы, батенька, схимникомъ стали! Спасаться что ли вздумали? Нигдѣ васъ не видать; Новинцевы про васъ сто разъ спрашивали, говорилъ хозяйскій сынокъ, присаживаясь къ столу, гдѣ занимался Порфирій, который отвѣчалъ, что нездоровъ.

— Полноте, что за хворь! Вѣдь вы не лежите, значитъ можете къ сосѣдямъ дойти; а тамъ безъ васъ такая скука: старики все молятся, Стѣфицька капризничаетъ, уйдетъ въ свою комнату, сидитъ въ потемкахъ да плачетъ, а съ Ѳеней мнѣ надоѣло съ глазу на глазъ сидѣть. Право! такая тоска! Уѣхалъ бы въ Москву, да дѣлишки тутъ у меня. Пойдемте! Сегодня же воскресенье и вы свободны; хоть поболтаемъ съ дѣвицами.

Порфирій отказывался, но Снѣговъ не отставалъ.

— Посмотримъ, что вы читаете? спрашивалъ онъ, перебирая книги, лежавшія на столѣ, — Что это? Пушкинъ... какая старина! А это Лермонтовъ! Знаю, еще славная тутъ есть «Казначейша», у которой грудь «бѣла какъ сахаръ, и такъ цѣжна, что жилка каждая видна»... А это что? «Мертвыя души» Гоголя, «Тарасъ Бульба» его же, «Обломовъ» Гончарова... Ну, любезнѣйшій мой, не мудрено, что вы хандрите... вы бы читали что нибудь повеселѣй, позабористѣй; вотъ хоть бы «Взбаломученное море» Писемскаго, «Марево» Ключ-

никова, а то возьмите у меня романы Поль-де-Кока, вдоволь нахохочетесь! Я вчера Новинцевымъ барышнямъ читалъ «Бельвилльскую дѣвственницу», еще тетка тамъ есть, старая дѣвка, и очень казаковъ полюбила... Потѣха!

— И это вы дѣвицамъ читаете? воскликнулъ Кассіановъ.

— Что-жь дѣвицамъ? Я вѣдь не отецъ имъ, чтобы ихнюю нравственность соблюдать! Опять же Стѣфа такая печальная, надо же чѣмъ нибудь ее развеселить.

— Ну что-жь, она смѣялась? любопытствовалъ Порфирій.

— Ѳеня хохотала до упаду, а Стѣфа ушла, говоритъ: голова заболѣла, отвѣчалъ купчикъ.

«Пойду туда!» подумалъ красильный мастеръ. — «Скажу ей, чтобы она такихъ книгъ не читала и не слушала... Этотъ развратникъ еще хуже тамъ что нибудь настряпаетъ».

Сестры сидѣли въ своей свѣтелкѣ; у нихъ была Катерина, только что пришедшая отъ Насти.

— Убивается ваша подружка страсть какъ! рассказывала вдова, — глазъ не осушаетъ: все о своемъ Костѣ тоскуетъ. Убѣгу, говоритъ, въ Сибирь съ нимъ уйду.

— Можетъ ли быть, чтобы такой славный малый и вправду былъ воръ? говорила Стѣфа. — Удивительное дѣло, что съ нимъ вдругъ сдѣлалось! Кто бы могъ ожидать, что послѣ такого веселаго сговора все это сватовство разрушилось бы такъ скоро...

— Всѣ наши ужовскіе купцы ужасно объ Константинѣ жалѣютъ, толковала Ѳіона. — Всѣ Филиппа Савельева осуждаютъ, что онъ слишкомъ круто съ сыномъ поступилъ. Вотъ батюшка говоритъ, что вещи-то эти Костина мать приказала отдать ему да Антону... У ней и деньги остались, да все утаилъ у нихъ отецъ.

Не у однихъ Новинцевыхъ такъ разсуждали и дивились этому происшествію: все село только о томъ и говорило.

По лѣстницѣ въ мезонинъ послышались голоса. Стѣфа надулась.

— Какая досада! опять Ваня идетъ! сказала она.

— А тебѣ что тошно? спросила съ сердцемъ Ѳіона. — Ужасно весело тутъ намъ однимъ сидѣть! По крайности Ваня что нибудь смѣшное расскажетъ, либо почитаетъ.

— Ну, эти книжки гадкія я слушать не намѣрена! возразила Стѣфа. — Кабы матушка услышала, она бы тебѣ задала!

— Ужь не хочешь ли ты на меня паябедничать? спросила Ѳеня рѣзко и желчно.

Стѣфа встала и, не отвѣчая, хотѣла уйти.

— Здравствуйте, барышни! воскликнулъ входившій Снѣговъ. — Вотъ я вамъ схимника-пустынника привелъ... подходите къ благословенію! — Хозяйскій сынокъ захоталъ и толкнулъ Порфирія къ дѣвицамъ.

Стѣфа не могла скрыть своей радости; она смѣялась, весело болтала цѣлый вечеръ; никогда она не была болѣе мила; счастье оживляло всю ея наружность; она не могла оторвать своего взора отъ Порфирія, а онъ словно воскресъ... Любовь дѣвушки была очевидна и не онъ одинъ въ ней убѣдился, но и Ѳіона съ Катериной ясно прочли въ душѣ молодыхъ людей. Одинъ

Сифговъ ничего не замѣтилъ; онъ былъ въ восторгѣ, что Стѣфа повеселѣла и воображалъ, что она забавляется надъ его островами, тогда какъ она смѣялась просто отъ полноты своего душевнаго блаженства.

Кассіановъ опять сталъ ежедневно ходить къ сосѣдкамъ. Онъ находилъ случай говорить со Стѣфой наединѣ и пересталъ ее ревновать. Какъ дѣти, они любили безъ заботъ о будущемъ, — настоящее было такъ прекрасно! Стѣфа была еще молода и о ея замужствѣ никто не помышлялъ; всѣ считали ее почти ребенкомъ и мать съ отцомъ не обращали вниманія на ея поступки. По купеческому обычаю, меньшую дочь нельзя было отдать прежде старшей и старики были серьезно озабочены сватовствомъ Юны; стали ходить и ѣздить разные сваты да свахи, но подходящей партіи не представлялось, тѣмъ болѣе, что Юня всѣми средствами старалась разстроить сватовство. Молодой Сифговъ устроилъ свои дѣлишки и, добывъ порядочную сумму, уѣхалъ въ Москву. Порфирій изгналъ всѣ романы Польде-Кока изъ свѣтелки сестры и перенесъ туда свою маленькую библіотеку. Стѣфа была очень любознательна; имѣя большой досугъ и желая угодить своему любезному, она усердно принялась за чтеніе, а Порфирій мечталъ дать основательное образованіе своей будущей женѣ. Сомнѣнія его въ осуществленіи этого прекраснаго плана мало по малу разсѣялись и убѣжденный въ искренней преданности Стѣфы, ему теперь казалось легко преодолѣть самыя большія препятствія.

Такъ прошло недѣли три. Ужовское поселеніе стало постепенно забывать бѣднаго Константина. Филиппъ Савельевъ упорно стоялъ на своемъ прежнемъ обвиненіи и хотя его старанія узнать, куда Костя сбѣжалъ вещи, остались тщетными, но онъ не терялъ бодрости и надеялся открыть это темное дѣло.

Настя была неутѣшна; она похудѣла отъ слезъ и бессонницы, но ее ожидало еще большее горе: Бурлаковъ прислалъ сказать Силантію Фомичу, что въ его рукахъ находится на 40 тысячъ его векселей, которые онъ подастъ ко взысканію, если черезъ нѣсколько дней не получитъ уплаты. Какъ громомъ пораженный, отецъ Насти кинулся къ своему кредитору; онъ просилъ, молилъ объ отсрочкѣ, но Семень Сергѣевичъ и слышать не хотѣлъ. «Деньги мнѣ подавай, почтеннѣйшій, а нѣтъ денегъ — въ яму садиться надо!» говорилъ отвергнутый женихъ.

— Потерпи, отецъ родной! не погуби! Разсрочку хоша махонькую дай: я тебѣ 20 процентовъ заплачу! Бурлаковъ засмѣялся.

— Ха, ха, ха! Чудакъ ты, Силантій Фомичъ! Ты думаешь мнѣ деньги-то твои нужны! Процентами-де его алчность ублажу!... Нѣтъ! ты мнѣ хоть рубль за рубль сули, а я все-таки тебя въ яму упрячу.

— За что же? за что, Семень Сергѣичъ? Чѣмъ я твою милость разгнѣвалъ? удивился педагогичный старикъ.

— Припомни, любезный, пословицу: не плюй въ колодезь — пригодится водицы выпить! Ты за меня свою дочку не отдалъ, падалъ на такого начужнаго женишника, какъ Семень Сергѣичъ Бурлаковъ... Такъ вотъ теперь во вѣкъ будешь помнить мою услугу...

Тутъ понялъ старикъ причину его несговорчивости! Пришлось выбирать одно изъ двухъ: или отступитъ отъ коренныхъ, отцами, дѣдами заповѣданныхъ убѣжденій, или сдѣлаться несостоятельнымъ и попробовать казенныхъ харчей. Не вдругъ сдѣлся упрямый старовѣръ; но когда Бурлаковъ подалъ ко взысканію, представилъ кормовыя, должникъ его не выдержалъ и пожертвовалъ дочерью.

— Бери, только не серчай, коли она тебѣ будетъ жена не ласковая, не покорная! говорилъ бѣдный отецъ. — Ты знаешь, что она своего жениха Костю шибко любила, да и теперь неутѣшно по немъ плачетъ.

— Мы утѣшимъ! сказалъ Бурлаковъ, не вѣровавшій къ женское постоянство, считавшій жену не болѣе какъ первымъ домашнимъ звѣркомъ, необходимой принадлежностью домашняго быта, а расположеніе женскаго пола мѣрившій на вѣсъ золота. — Мы ей такихъ нарядовъ да подарковъ закупимъ, какихъ здѣшніе купчихи и во свѣ не видывали... Въ Москву ее возить стаю, всѣ прихоти капризы ея исполнять буду... Свыкнется — слюбится! Еще благодарить тебя послѣ сама буд-ть...

Но Настя иначе разсуждала и предложеніе идти за Бурлакова встрѣтило съ ея стороны ужасный взрывъ негодованія; ни ласки, ни убѣжденія отца не могли совладѣть съ ея упорствомъ; наконецъ старикъ рѣшительно ей объявилъ, что хоть бы Константинъ и оправдался, но никогда ей за нимъ не бывать, что некоренная дочь будетъ «анагема проклята»... Эта послѣдняя угроза поколебала Настю.

— Все равно, что умереть, что за другаго идти! Дѣлай какъ знаешь, батюшка, отдавай меня въ кабалу.. только не губи души моей, не кляни... чтобы и на томъ-то свѣтѣ мнѣ не маяться.

Въ одномъ только воля Насти осталась тверда и непреклонна:

— Хоть жилы изъ меня тяни, пытай, жги огнемъ, мечемъ казни... не отступлю отъ старой вѣры, говорила дѣвушка, вскормленная и воспитанная въ духѣ самопожертвованія ради вѣры.

Даже Бурлаковъ, считавшій женщину такимъ ничтожнымъ и безхарактернымъ существомъ, удивился ея твердости, но ему хотѣлось поставить на своемъ, а красота Насти была такъ заманчива, что религіозный вопросъ остался нерѣшеннымъ; только вѣнчаніе должно было происходить по православнымъ обрядамъ, и вообще Настя обѣщала скрывать передъ родными и знакомыми бѣднаго мужа свои раскольничьи повѣртія.

Началось шитье приданнаго; женихъ каждый вечеръ ѣздилъ къ невѣстѣ. Настя была бѣдна и молчалива, но Семень Сергѣевичъ дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ ея неласковыхъ взглядовъ: онъ твердо надѣялся на силу подарковъ, которые возилъ и присылалъ ей безъ остатка; однако бывшая любительница нарядовъ, кокетливая Настя, равнодушно глядѣла на эти атласы, дамá, муары, бархаты... ни соболя, ни горностаи, ни заманчивыи блескъ брилліантовъ, яхонтовъ и изумрудовъ не могли разсѣять ея печали. Силантій Фомичъ также былъ не в селѣ: совѣсть не давала ему покою и воображеніе представляло ему въ ужасныхъ размѣрахъ тотъ грѣхъ, который за отдачу дочери въ замужство съ послѣдова-

телемъ новой вѣры должень былъ ввергнуть его въ адскія пытки, изображенныя на одной изъ иконъ его молебни.

Дѣвичьи посидѣлки часто происходили въ домѣ Новицкихъ. Настя уходила къ подругамъ; не пайдя ее дома, Бурдаковъ тоже взбирался по шаткой лѣстницѣ свѣтелки, гдѣ Оца и Стѣпа весело болтали, смѣялись и даже успѣвали своимъ вліяніемъ разсѣять мрачное облако, затуманившее блескъ хорошенкихъ невѣстныхъ глазъ; легкая улыбка порой скользила по ея блѣдымъ губамъ, и какъ счастливъ бывалъ Семенъ Сергѣевичъ, уловивъ это минутное забытье своей будущей жены!.. Свадьбу рѣшено было сыграть на Красной горѣ и Настя съ ужасомъ считала ежедневную убыль въ своей дѣвичьей волѣ.

Въ то же время другое сватовство ладилось въ тихомолку: мать Василиса, покорно исполнявшая приказанія владыки Данила, искала жениха для Екатерины.

Однажды у воротъ просторной избы, известной подъ названіемъ свита, гдѣ спались десятка полтора старухъ расколницъ, стояла ихъ игуменья и разговаривала съ молодымъ, высокимъ парнемъ, служившимъ въ должности артельщика у Сигова. Это былъ мужчина лѣтъ 28; плечистый и здоровый, съ краснымъ, немного рябоватымъ лицомъ, съ длиннымъ носомъ и тонкими, безцвѣтными губами, опущенными рыжеватыми усиками, молодецки закрученными вверхъ. Вообще онъ слылъ за красиваго малаго во мѣстѣ деревенскихъ женщинъ и фабричныхъ дѣвокъ, съ которыми водилъ дружбу да компанію по при болѣе осмысленномъ наблюденіи, выраженіе его сѣрыхъ, блгающихъ глазъ вмѣло въ себѣ столько лукавства и наглости, что отталкивало убѣжденіемъ въ порочныя страсти, скрытыя подъ этой не симпатичной личиной.

— Такъ-то, Тимоша! толковала игуменья своему племяннику. — Полно тебѣ распутничать! Не мальчишка ужъ! пора угомониться!.. Сегодня одна, завтра другая! Сегодня ты пьянь, завтра съ похмѣлья; вѣдь эдакъ, голубчикъ, прямо въ преисподнюю угодишь! Ты женись-ка на Катеринѣ: бабенка она еще молодая, красивая, смиренная; съ ней всякій мужъ уживется. Онять же сосгоишь-ко у ней порядочное, ты значить въ домъ войдешь, въ полную чашу и всѣмъ будешь распорядиться.

— Оно такъ-то такъ, тетенька! отвѣчалъ хитрый малый. — Катерина невѣста была бы не плохая; одно только не ладно: Антошъ-то! Вспомни, какъ онъ безобразничалъ на первой ея свадьбѣ, пожалуй и опять такъ будетъ.

— И, полно, любезный! Антошъ можетъ теперь на томъ свѣтѣ; небойсь давно съ кругу спился, да околѣлъ гдѣ вибудъ въ кабакѣ.

— То-то цѣтъ, тетенька! Антошъ живъ и здоровъ: недавно здѣсь былъ... миѣ одинъ фабричный парень сказывалъ, какъ отступникъ-то съ Катей любезничалъ на погостѣ обѣ масляной.

Василиса ужаснулась и не вдругъ повѣрила такой удали отъ вдовушки.

— Ай-да смиренница! ахала злая старуха. — Глядѣтъ на нее—словно воды не замутить, анъ вотъ какими дѣлами занимается!.. Цѣтъ, этому больше не бывать!

Ее надо непременно поскорѣй замужъ отдать, а то всѣмъ бабенка избалуется... тогда отъ владыки бѣда, разругаетъ, почему я ее не устерегла да не сосватала.

— Пожалуй, я женись на ней, сказалъ Тимофей, словно нехотя. — Ужъ такъ и быть, сдѣлаю вамъ, тетенька, удовольствіе, но задаромъ я не согласенъ. Пускай она миѣ домъ подпишетъ да деньгами наградить, а то эдакъ-то она съ молодцами гулять станеть, а я не при чемъ останусь.

— Ты ее пострже держи: потачки не давай, научала тетка. — коли что подмѣтишь, аль уважать тебя не захочеть, такъ и за касы!.. На то мужъ... таковъ законъ... передъ мужемъ баба не смѣй пикнуть! Ихъ надо вотъ какъ держать! — И старуха, сжавъ кулакъ, нагляднымъ образомъ показала племяннику, какъ слѣдуетъ жепъ приучать къ повиновенію. — На счетъ дома и денегъ я стараюсь, — продолжала сваха, подумавъ. — Разумтеться, тебѣ жутко и взять безъ обезпеченія. Всего-то пожалуй не отдасть: Захаръ Ларионычъ старикъ характерный, Катю жалѣеть, а она его во всемъ слушается, но безпремѣнно половину дома пусть тебѣ отдадутъ.

— Вы деньгами-то, тетенька, пуще всего постарайтесь, чтобъ наградили, а что домъ? отъ него уголь не откусншь, настаивалъ Тимофей.

— Охъ ты, плутъ малый! любя грозилась на него тетка. — Ты деньги на что просишь? Знаю я! Небойсь красавицъ своихъ одѣлять! А ты тетку-то не забудь, какъ сосватаю.

— Ужъ это будьте безъ сумлѣнія, обнадеживалъ племянникъ, — вамъ сотню аль двѣ отвалою, посмотримъ вотъ, много ли еще выхлопочете-то!

— Ладно, племянничекъ! похлопочу я для роднаго! Очень желателно миѣ тебя пристроить! говорила Василиса — Пойдемъ-ка теперь къ намъ въ келію; только ты нашимъ старухамъ ни слова не молви объ этомъ дѣлѣ: испортятъ онѣ все, разболтаютъ! Еще пожалуй другихъ жениховъ сватать стануть.

Тетка съ племянникомъ вошли въ избу: первая комната была самая обыкновенная, съ русской печью, дубовыми лавками, доснящимся столомъ, съ холстинными половиками на чистомъ полу, съ иконами въ переднемъ углу, гдѣ горѣли двѣ-три лампадки и торчала свѣча желтаго воска. Нѣсколько старухъ въ черныхъ сарафапахъ, въ черныхъ душегрѣйкахъ, повязанныя по самые глаза бѣлыми миткалевыми платками, сидѣли за гребнями съ пряжей и шерстью; одна изъ нихъ держала въ рукахъ ветхую книгу съ распухшими отъ слоя грязи листами и монотонно гнусила житіе мнимыхъ мучениковъ старой вѣры. Это была общая комната, имѣвшая видъ богадѣльни, куда могъ заглянуть всякій: и расколникъ, и православный, и полицейскій. За перегородкой и другимъ входомъ изъ-за печки была другая комната, гдѣ съ полу до потолка, по поламъ, на стѣнахъ, стояли и висѣли древнѣйшія иконы, безъ окладовъ, съ аналоемъ въ переднемъ углу и нѣсколькими десятками лампадъ, изъ коихъ многія не угасали ни днемъ, ни ночью, тщательно поддерживаемыя «едемъ», который пудами жертвовали на этотъ предметъ почитатели «бабушкиной, или дѣвкиной секты», гдѣ представительницей была мать игуменья Василиса.

У попа Филиппа была такая же молежня съ завѣтной обстановкой и тайнымъ входомъ, но ее преимущественно посѣщали мужчины, а къ Василисѣ всякій праздникъ собиралось пропасть женщинъ и дѣвушекъ, для коихъ имѣлись въ запасѣ миткалевые платки, надѣваемые на моленье въ видѣ фаты, со спущенными на спинѣ концами. Одежда для моленья непремѣнно должна быть русская, то-есть: сарафанъ черного, или хоть темнаго цвѣта.

Племянничекъ усѣлся за столъ въ переднемъ покоѣ; неизвѣстно откуда явились тутъ два штофчика: одинъ съ зеленоватой, а другой съ красной жидкостью. Явились и соленые грибки, и пшеничные пироги съ лукомъ, и сотовый медокъ съ изюмцемъ. Василиса угощала племянника, ѣла, пила сама и подчивала старухъ богадѣленокъ; онѣ перестали предаваться воздыханіямъ надъ бѣдствіями и муками отца безсмертнаго Селиванова и княжны Мышецкой, безъ отказа тянули подносимое вино каждая изъ своей особой чарочки, весело болтали, сплетничали, забывая, что время было не масляничное, а сыропустное...

Мать Василиса хлопотала такъ усердно, что Катерина согласилась подписать половину дома своему будущему мужу, но денегъ Захаръ Ларионовичъ не приказалъ ей давать много.

— Надо еще посмотрѣть, каковъ-то будетъ муженекъ, говорилъ разсудительный старикъ. — А то отдай-ка ему всѣ денежки, а онъ тобой и будетъ помыкать. Коли деньги въ твоихъ рукахъ, онъ лучше будетъ тебя уважать. Согни три-четыре можно дать и будетъ съ него: увидимъ, какъ-то онъ съ ними управится...

Бурлаковъ не одобрялъ этотъ бракъ; ему хотѣлось высватать Катерину за одного изъ своихъ прикащиковъ, человѣка хоть пожилаго, но честнаго и дѣльнаго; впрочемъ, Семень Сергѣевичъ былъ такъ занятъ своей собственной свадьбой, что ему было не до другихъ.

Катерину просватали; не имѣя своей воли и самостоятельности, запуганная, трусливая женщина, какъ раба, безпрекословно дозволила распорядиться своей судьбой и свободой.

Наступила Святая недѣля; большая часть фабричныхъ разбрелись на праздникъ въ свои родныя гнѣзда; остальные—бездомные или дальніе, посѣщали ужовскіе кабаки, дрались, нянствовали и по своему разумію проводили время весело и пріятно. Раскольники, напротивъ, Свѣтлый праздникъ проводятъ въ постоянномъ молебствіи, все ихъ развлеченіе состоитъ въ переходахъ изъ одной молежни въ другую.

Всѣ дни у Филиппа съ Василисой были разобраны: въ одномъ домѣ служили утрению, въ другомъ вечерню, въ третьемъ собирались на всенощное бдѣніе. Молодежь молилась и скучала подъ этимъ гнетомъ суевѣрія и лицемѣрной набожности... Но родительскій авторитетъ и страхъ потерять отцовское благословеніе съ полумилліономъ, сотенъ или хоть десяткомъ тысячъ наслѣдства, держало въ покорности строптивое и невѣрующее молодое поколѣніе до той поры, когда образованіе и свободный воздухъ другой мѣстности, не зараженный фанатизмомъ, возбуждаетъ броженіе умовъ и порывы самостоятельности... Какъ искру, таящуюся подъ

пепломъ, малѣйшее дуновеніе можетъ преобразовать въ очистительное пламя, гдѣ со временемъ должно погибнуть старое невѣжество со старыми заблужденіями.

М. Политковская.

(До слѣдующ. №).

А Д Ш А Я

Oh, n'insultez jamais une
femme qui tombe!
Victor Hugo.

Клеймить презрѣніемъ не смѣйте никогда

Ту женщину, что безвозвратно пала:

О, сколько, можетъ быть, и горя, и стыда

Несчастная предъ этимъ испытала!

Кто знаетъ, сколько дней въ борьбѣ съ своей судьбой,

Голодная, она сносила муки—

И простирала къ намъ, съ напрасною мольбой,

Изсохшія, трепещущія руки?...

О, на тебѣ, богачъ, на золотѣ твоёмъ,

На похоти людской, на всѣхъ, безъ исключенья,

Постыднымъ и на вѣкъ позорящимъ клеймомъ

Отмѣтиться должна вина ея паденья!

А. Г—чевъ.

О Т Ъ Р Е Д А К Ц І И

Редакція покорнѣе проситъ своихъ подписчиковъ, въ случаѣ неполученія какого либо №, извѣщать ее немедленно, никакъ не поздне получена слѣдующаго за тѣмъ №, и присылать при этомъ *печатный адресъ*, сплавъ его съ бандероли: безъ этого условія жалоба не можетъ быть удовлетворена. — При перемѣнѣ адреса тоже нужно прислать прежній *печатный адресъ* и приложить 20 коп. почтовыми марками.

АСЛЯНИЦА

Вотъ и блинница-старуха!
 Вся-то въ маслѣ и въ мукѣ,
 Наша русская стряпуха, —
 Съ сковородникомъ въ рукѣ.

Суетится и хлопочеть
 У роднаго очага,
 Закормить блинами хочеть
 Всѣхъ—и друга, и врага.

И блины-то ужъ на славу!
 Масло струйками течеть...
 И стряпуха-то, въ приправу,
 Съ приговорами печеть:

«Ужь вы кушайте, родные,
 Наши русскіе блины!
 То—блины заповѣдныя
 На поминокъ старицы.

«Вспоминайте всѣхъ почившихъ—
 Отъ простыхъ и до князей,
 Грудью родимѣ служившихъ,
 Нашихъ воиновъ-друзей.

«Дѣды, правда,—обѣдались
 И купались въ меду;
 Но потомъ ужъ принимался —
 За антошеву ѣду.

«Такъ и вы себя ведите:
 Какъ придѣтъ великій постъ,
 Остороженько идите
 Черезъ этотъ страшный мостъ.

«Кто безъ страха и нахально
 Лишь ступить дерзнетъ сюда,
 Тотъ провалится—буквально
 И погибнетъ безъ слѣда».

Правдинъ.

БЕСѢДА ЧЕТВЕРТАЯ.

Спиритическій сеансъ и рассказы духа Плотинина. — Нотариальная контора въ г. З м районѣ. — Новые железнодорожные казусы. — Русскій набобъ изъ железнодорожныхъ тузовъ за границей. — Крушное пожертвованіе на Симбирскій университетъ. — Замоскворѣцкое сумасбродство. — Нарвская фабрикація уродцевъ изъ обыкновенныхъ дѣтей. — Геръ Ицко избобрѣваетъ новый налогъ—съ блина.

Совершенно неожиданно-негаданно удалось мнѣ попасть на спиритическій сеансъ. До этого случая и не думалось мнѣ, что въ Москвѣ есть такіе завзятые спириты, какимъ оказался хозяинъ дома, гдѣ производился сеансъ и вся собравшаяся здѣсь компанія. Самъ оберъ-спиритъ хозяинъ менѣе всего обѣщалъ быть вѣрующимъ въ невѣдомое, а оказался самымъ что ни на есть горячимъ адептомъ нематериализованной еще науки духовншательства. И вѣдь подите же, впрокъ ему спиритизмъ: при совершенно небольшомъ окладѣ на государственной службѣ, живетъ прилично, ни въ чемъ себя не отказываетъ. Въ залѣ было почти темно; въ числѣ девяти насъ присутствовавшихъ при сеансѣ, была и какая-то блѣднолицая, называемая медиумомъ. Сначала шли у насъ эксперименты со столомъ на трехъ ножкахъ. Спрашивали у стола и столъ выстукивалъ: да, нѣтъ, а иногда отвѣты были гораздо замысловатѣе. Видно духъ тоже себя на умѣ. Я уже не порывался задавать никакого вопроса, ожидая конца сеанса—вызова говорящаго духа.

Пришелъ наконецъ возжелѣнный часъ. Блѣднолицаго медиума уложили на кушетку; оберъ-спиритъ произвелъ нѣсколько манипуляцій совершенно впрочемъ цѣломудренныхъ и... медиумъ забылся, перешелъ-де въ состояніе... самъ ужъ не разберу какое. Задержали заправъску

изъ какой-то темной шерстяной матеріи, спорка должно быть съ юбки медума, убавили свѣту въ лампѣ до совершеннаго minimum'a и ждали. Одинъ изъ вѣрующихъ, слѣдя правиламъ спиритическихъ сеансовъ, началъ играть *lentissimo* и *pianissimo* партитуру *Costa diva*—на гармоникѣ. Ничего: выходитъ довольно торжественно. Вскорѣ мои спириты почему-то смѣкнули, что духъ чѣй-то уже есть, блуждаетъ между насъ, только блуждаетъ незримо пока: нематериализовался запачить.

Всѣ присутствующіе напрягли зрѣніе и слухъ въ полутьмѣ, но духъ только шелестилъ чѣмъ-то, звукомъ похожимъ на крахмаленныя юбки, да гармоника жалостливо тянула *Cost'u div'u* и то чрезвычайно тихо. Не подозрѣвалъ я даже, что можно на гармоникѣ играть такъ тихо.

Вдругъ одинъ изъ присутствующихъ вскрикнулъ и въ тоже самое время послышался шлепъ, звукъ словно пощечины. Оказалось, что проказникъ блуждающій между нами, духъ, хватилъ своею дланью по лысинѣ крѣико вѣрующаго. Этотъ фактъ уже послужилъ явнымъ доказательствомъ, что духъ тутъ, непремѣнно тутъ.

— Чей духъ ты? спросилъ торжественно оберъ-спиритъ.

Отвѣтомъ было гробовое молчаніе.

— Чей духъ ты? спросилъ онъ еще разъ.

— Плотицына... отвѣчалъ духъ какимъ-то замозильнымъ голосомъ.

Показалось мнѣ весьма интересно послушать рѣчи духа Плотицына, о которомъ оповѣщали газеты, что онъ сбѣжалъ съ мѣста своей ссылки.

— Развѣ Плотицынъ умеръ? допрашивалъ оберъ-спиритъ.

— «Блуждаю по мытарствамъ, отвѣчалъ едва внятно духъ Плотицына. — На родномъ пепелищѣ засталъ я смрадъ, заустѣніе — до сихъ поръ гарью пахнетъ, хотя пепелище отстраивается заново. Это мое пепелище и обитатели его не порадовали меня своею не послѣдовательностью: одну руку протягиваютъ за милостыней, испрашивая у правительства субсидію въ милліонъ рублей, а другою отваливаютъ 1,500 руб. на сооруженіе золотой цѣпи тамошнему мировому судѣ. Еще мнѣ прискорбно то, что мысль эта о сооруженіи дорогой цѣпи, послѣ страшнаго бѣдствія, ястигнаго мое родное пепелище, происходитъ отъ самаго виновника этой затѣи: задалъ онъ страху купечеству и оно спѣшитъ сообщить видю самоотличія.

«Новый желѣзнодорожныхъ дѣлъ мастеръ М* тѣснить коммерцію, продолжалъ духъ; товары Ш* грузятся въ вагоны сейчасъ, а другіе отправители ждутъ по двѣ недѣли. Градскій голова, даромъ что медвѣжьей породы, а смѣкнулъ въ чемъ дѣло и объяснился съ мастеромъ М*. Тотъ ему и скажи, что онъ желалъ бы видѣть у себя въ квартирѣ купечество и услышать отъ нихъ: чѣмъ они недовольны. Въ трактирѣ Бирикова уже собираются недовольные и толкуютъ промежь себя во что это ляжетъ.

«Въ Обществѣ кредита забываютъ прилѣплять на обязательствахъ на заложенные билеты гербовыя марки, хотя за нихъ получаютъ 80 коп. неукоснительно:

видно прежнія замашки не сгорѣли, а только совершенствуются»...

— Скажи, духъ, допрашивалъ нашъ оберъ-спиритъ,—правду ли говорятъ, что Плотицынъ не былъ самъ осконленъ?

— «Никогда! Что я за дуракъ осконляться; я только игралъ роль скопца и теперь даже мнѣ, духу, дѣлается какъ-то забористо, какъ увидѣлъ я на родномъ пепелищѣ, что нотаріусъ К* отбилъ совсѣмъ жену у секретаря. . А вотъ мой злой геній Юсифъ...

Тутъ нелегкая дернула нашего музыканта заиграть *forte*-камаринскую плясовую. Духъ Плотицына почелъ для себя неумѣстнымъ присутствовать въ компаніи, гдѣ свирѣпствуетъ камаринская и пересталъ повѣдывать, что видѣлъ онъ на родномъ пепелищѣ.

Торжественное настроеніе спиритовъ приняло острый характеръ, способный окончиться рукопашнымъ, подъ шумокъ котораго сбѣжалъ и я, боясь попасться въ свидѣтели.

Есть на святой Руси городъ, Замарайскомъ прозывается. Недалеко онъ вовсе отъ града первопрестольнаго, упирается въ него конецъ рельсоваго пути, словомъ, какъ будто духъ цивилизаціи въ свой районъ захватилъ и сей градъ. Но стоитъ только заглянуть въ контору мѣстнаго нотаріуса изъ купеческаго званія и тотчасъ усомнишься на счетъ злокозненнаго духа цивилизаціи. Первое, что кидается въ глаза, то, что всѣ сподвижники нотаріуса и онъ самъ сидятъ у дѣла въ шубахъ и шапкахъ словно жида на шабашѣ (только тѣ безъ шубъ сидятъ обыкновенно): стужа гъ конторѣ необыкновенная. Противу стола первоприсутствующаго красуются отребья съ пробойнами—это запавѣсь, отдѣляющій спальню писцовъ нотаріуса. Черезъ эти пробойны видны разные домашніе безпорядки, раскиданное черное бѣлье и прочія спальные принадлежности неудобосозерцаемые въ публичномъ мѣстѣ, каковою должна быть контора нотаріуса. Въ конторѣ этой дымъ, грязь, гадость невообразимая, право хуже порядочнаго кабака. Если натура самого нотаріуса привычна къ грязи и халатной обстановкѣ, то все же ему, какъ общественному дѣятелю, не слѣдъ бы забывать, что въ контору къ нему заходятъ по дѣламъ люди чистоплотные и даже дамы, не привыкшія къ публичнымъ выставкамъ разныхъ халатныхъ безобразій и имѣющія полное право встрѣтить во всякой нотаріальной конторѣ на Руси благообразіе, приличную чистенькую обстановку, теплую комнату, а не пѣчто похожее на кабакъ или грязный буфетъ прегрязнаго загороднаго провинціального трактира. Неужели нотаріусъ изъ купеческаго званія не можетъ и въ роли нотаріуса отрѣшиться отъ своихъ провинціально-купеческихъ неблагопрістойныхъ вкусовъ къ житейской обстановкѣ?

По газетамъ январь мѣсяцъ былъ особенно не въ руку на счетъ движенія по желѣзнымъ дорогамъ г-на Полякова. Всюду проказили снѣжные заносы, обезсиленія локомотивовъ по причинѣ сильнаго холода (это на югѣ Россіи, что бы дѣлали такіе чувствительные къ холоду локомотивы на сѣверѣ?) и замедленія въ очисткѣ путей отъ снѣга. Донская газета сообщаетъ объ одномъ пассажирѣ, которому пришлось совершить протѣздъ изъ Ца-

рицына до г. Новочеркаск около 2,000 верстъ — 26 дней (!) не выходя почти изъ вагоновъ.

На Владикавказской дорогѣ эти задержки въ пути доходили до крайняго безобразія; по три поѣзда сплочивалось въ одинъ. Въ 3-мъ классѣ напихивали столько народу, что невозможно было не только сидѣть, но даже выйти изъ вагона; не хватало дровъ и угля на отопленіе вагоновъ и желѣзнодорожное начальство ничуть объ этомъ не беспокоилось, словно это до него не касалось. Булка продавалась по рублю и дороже; пассажиры голодали по два дня и раздраженіе ихъ дошло до того, что на двухъ станціяхъ они избивали начальниковъ станцій. Послѣ десятидневнаго голоданія и странствованія, поѣздъ достигъ Батайской станціи, куда изъ Ростова было выслано болѣе 100 подводъ и пассажиры добрались до Ростова на лошадахъ.

Повсюду причина задержекъ въ пути одна и та же: рабочіе изъ соседнихъ селеній, послѣ плохаго съ ними расчета, не идутъ на расчистку снѣжныхъ заповозъ, да притомъ въ кассахъ станцій пусто — не на что очищать путь. Хороши порядки, нечего сказать! А сколько десятковъ тысячъ идетъ на содержаніе центральныхъ Правленій этихъ дорогъ? На этотъ расходъ наличныя всегда есть и задержки въ выдачахъ не бываетъ.

Задержки эти при движеніи
Убытковъ много намъ творять.
Но чужды имъ тузы правленій,
Лишь потребители — крихтять.

Вотъ, если-бъ кто хоть разъ рѣшился
Оштрафовать самихъ тузовъ,
Тогда-бъ порядокъ водворился
И было-бъ дѣло вмѣсто словъ.

Все говорятъ, что у насъ будто-бы никакъ нельзя ввести англійскую систему обезпеченій, пенсіоновъ и крупныхъ единовременныхъ пособій пострадавшимъ на желѣзнодорожныхъ крушеніяхъ и ихъ семьямъ. Говорятъ, что если у насъ, при выручкахъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ, да узаконить право вознагражденія желѣзными дорогами за поломку костей пассажировъ и другіе убытки, творимые непутевыми распоряженіями желѣзнодорожныхъ администрацій, такъ наши рельсовые пути живо обанкротятся. Все это пустое: говорятъ и говорятъ за деньги. Всѣмъ извѣстно, какъ сорять деньгами изъ-за зуда самолюбія наши желѣзнодорожные тузы, такъ не бѣда, если, при сокращеніи ихъ дивидендовъ на вознагражденіе пострадавшихъ на ихъ дорогахъ, сократятся нѣсколько ихъ затѣи. Недавно «СПб. Вѣд.» сообщали, какъ живетъ въ Ниццѣ нашъ русскій желѣзнодорожный строитель-милліонеръ. Желѣзнодорожное строительство дало ему, говорятъ, состояніе въ четыре милліона ежегоднаго дохода! Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ этотъ русскій набобъ выстроилъ себѣ на берегу Средиземнаго моря великолѣпную виллу, имѣющую видъ настоящаго палаца, окруженную грандіознымъ паркомъ. Въ день Рождества въ виллѣ набоба была устроена великолѣпная елка и всѣ приглашенные получили богатые подарки; въ этотъ же день онъ пожертвовалъ 60,000 франковъ на учрежденіе пріюта для бѣдныхъ. Зимой онъ живетъ въ Ниццѣ, а лѣтомъ на берегахъ озера

Лугано, гдѣ у него также великолѣпный дворець. Онъ содержитъ при себѣ прекрасный оркестръ въ 40 человекъ, повсюду слѣдующій за нимъ и содержаніе котораго обходится ему свыше 400,000 франковъ въ годъ. Три раза въ недѣлю оркестръ этотъ играетъ въ паркѣ при его виллѣ; на эти концерты допускаются тоже постороннія лица. Роскошь банкетовъ поражаетъ всѣхъ посѣтителей. Жители Ниццы ничего подобнаго не видѣли и даже знатные иностранцы заявили, что блескъ дома русскаго набоба далеко оставляетъ за собою все, видѣнное ими до сихъ поръ.

И всю эту возможность роскошничать даютъ дивиденды нашихъ желѣзныхъ дорогъ! А рядомъ съ этимъ, сколькохъ несчастныхъ они же пускаютъ у насъ по міру, ломая безнаказанно кости отцамъ семействъ, разминая ихъ буферами и наконецъ жаря ихъ живьемъ, какъ это случилось на одесской желѣзной дорогѣ! Прямая справедливость требуетъ ввести сокращеніе прибылей однихъ на возмѣщеніе несчастій другихъ. Есть слухъ, что на первый разъ, въ видѣ опыта должно быть, семь новобранцевъ пострадавшихъ на одесской желѣзной дорогѣ получать по 200 руб. сер. Не велико правда это вознагражденіе, сравнительно съ раздѣлкой жизни въ Англии, но дорогъ почишь такого справедливаго возмездія.

Наши сибиряки нѣтъ-нѣтъ да и раскошеляются въ пользу устройства университета въ Томскѣ, недавно золотопромышленникъ Цыбульскій пожертвовалъ на этотъ предметъ 00,000 руб. сер. Если еще найдутся послѣдователи ему, чего ожидать весьма возможно отъ сибирскихъ милліонеровъ, то не замедлитъ сформироваться отъ щедротъ рачителей дѣла такой капиталъ, что сибирскій университетъ не уступитъ ни въ чемъ европейскимъ. Дай Богъ дальнимъ нашимъ соотечественникамъ принять поближе къ сердцу благую и дѣлъ проэктировавшаго университета. Ихъ споспѣшествованіе и участіе въ такомъ великомъ дѣлѣ, какъ открытіе университета въ Азій, увѣковѣчитъ память жертвователей и имена ихъ сольются съ эпохой возрожденія края.

24-го января наше пресловутое замоскворѣчье явило новый зѣло странный пассажъ: на дворѣ церкви Спасъ-Наливки разсыпано было кѣмъ-то множество мелкихъ лоскутковъ изрѣзанныхъ купоновъ отъ билетовъ внутренняго съ выигрышами займа. Лоскутки эти разбросаны были и по дорожкѣ, идущей къ Шапочному переулку на пространство до 30 сажень. Всѣ они были изрѣзаны повидимому поживцами на 7 и 8 лоскутковъ. Купоновъ на эту дикую выходку было употреблено такъ много, что еще 22-го числа собрано было ихъ разными лоскутками нѣсколько сотъ.

Что за дикая фантазія! Вѣроятно сумашествіе. Есть значить въ замоскворѣчьи, этомъ нашемъ непроницаемомъ Китаѣ внутри Москвы, богатства великія; есть и субъекты, которые, подъ напѣемъ сумазброднаго стиха, готовы *пустить по ветру* солидный кушъ. А попробуй-ка къ нимъ же явиться бѣдный человекъ и попроси на поправку обстоятельствъ, на какое-либо дѣльное дѣло, хоть взаимы безъ обезпеченія сотенку, другую — вѣдь не дадутъ, ни за что не дадутъ; обругають еще пожалуй. На томъ, значить, стоимъ; свой

ГЕОМЕТРІЯ МОСКВЫ

(Го—го).

Пирамида.

Круглое тѣло.

«варахтеръ» имѣемъ—дѣдовскій и прадѣдовскій. И духъ времени его не беретъ.

Какой-то шутникъ сказалъ: какъ бы хорошо было, если бы ростовщики жили въ театрахъ и запирали свои кассы въ часъ ночи.

— Что-жь бы тутъ было хорошаго?

— Я бы постоянно, приходи въ театръ, закладывалъ бы ему шубу за рубль; уходя, выкупалъ бы ее и платилъ бы за сохраненіе только пять копеекъ, а теперь, если хочешь сохранить шубу на время представленія, плати двугривенный—почище, значить, четырехъ Адамовичей вмѣстѣ.

За прокатъ бинокля съ васъ на представленіе,

Тянуть не стѣняясь гривень шесть, полтину,

Нужно бы Управѣ сдѣлать предложеніе —

Съ выгодной торговли брать хоть десятину.

Въ Парижѣ полиція открыла цѣлую фабрику, гдѣ изъ обыкновенныхъ дѣтей приготавливали уродцевъ. Нѣкто Гарнеръ дѣлалъ «тонкія ноги», сдавливая цѣлые мѣсяцы оконечности ребенка металлическими пластинками; искривлялъ шею, для чего въ теченіе 15 недѣль голова ребенка особымъ механизмомъ свертывалась на бокъ. Гарнеръ вырощалъ горбы, ломалъ руки—и, «благодаря наукѣ и искусству», какъ онъ выразился предъ судомъ, никогда не лишалъ жизни пациента, даже при самыхъ трудныхъ операціяхъ. Варваръ пр ламывалъ ребенку кости руки и дѣлалъ узелъ; онъ искусственно приготавливалъ сіамскихъ близнецовъ: для этого бралось двое дѣтей и вырѣзывалось у каждаго на сплѣтъ,

или на боку, по куску мяса; несчастныхъ соединяли вмѣстѣ и они срастались. Владѣлецъ такого уroda могъ себя считать богатымъ. Лѣтъ тридцать тому назадъ, когда ремесло это особенно процвѣтало, въ Лондонѣ пропало немнѣжное множество дѣтей. Въ числѣ пропавшихъ былъ даже сынъ одного лорда (Гэтби); этому несчастному ребенку скривили шею. Были даже установлены цѣны на дѣтей-феноменовъ. Пара сіамскихъ близнецовъ стоила 150 фунт. стерл., горбатый карликъ—100 фунт., карликъ съ карлицей—174. Гарнеръ, обработавъ своихъ субъектовъ надлежащимъ образомъ, давалъ имъ хорошее воспитаніе, училъ грамотѣ, библіи, танцамъ и первымъ правиламъ англійской и французской грамматики. Злодѣй этотъ избѣжалъ руки правосудія: онъ бѣжалъ въ Испанію, но былъ тамъ зарѣзанъ своими товарищами.

Вотъ до какого изувѣрства можетъ довести страсть къ быстрой и легкой наживѣ! Присмотрѣться-бы повнимательнѣе и къ нашей нищенствующей братии, такъ найдется и у насъ многое множество вопіющихъ безчеловѣчныхъ увѣчій дѣтей, съ цѣлью сплѣнѣе вліять на щедрость давателей милостыни. Такая безчеловѣчная и варварская промышленность стоитъ и безчеловѣчной расправы. Запрещеніе полиціей водить нашимъ разнымъ шарманщикамъ дѣтей, если бы оно строго соблюдалось, —мѣра благодѣтельная, а поощреніе въ средѣ нищихъ пьянства и всякаго безобразія періодическою раздачею милостыни прямо на руки нищимъ, это возлюбленное до сихъ поръ дѣяніе тугоголовыхъ замоскворѣцкихъ богачей, только развращаетъ въ концѣ нищую братію.

ГЕОМЕТРИЯ МОСКВЫ

(Го—го)

Наклонная плоскость.

Перпендикуляръ.

Эту линию можно продолжить на сколько угодно безъ измѣненія ея положенія.

Прим. любознательнаго наборщика.

Не лучше-ли было бы всё эти жертвы отъ усердія на бѣдность складывать и собирать въ одну кружку и заводить богадѣльни и пріюты для калѣкъ, убогихъ и всякихъ истинно нищихъ, немощныхъ и недугующихъ?

Царство блиновъ въ полномъ разгарѣ. Широкая масляница на Руси это во истину праздникъ чревоугодія, къ которому загодя готовятъ кашею бѣдникъ и на который распоясываетъ охотно мошну богачъ. Непомѣрное количество блиновъ исчезаетъ съ утра до ночи въ расхотѣвшееся благоутробіе, затѣмъ для осадки требуется выпить, ради масляницы выпить опять, выпить для компаніи, на радостяхъ и такъ выпить. Въ итогѣ выходитъ събѣденнаго и выпитаго—тьма. Куда ни зайдешь въ Москвѣ, гдѣ можно пройтись по части чревоугодія—всюду биткомъ набито съ 10 ч. утра. Всякій такъ и поровнигъ выскочить изъ обычной колеи, размахнуться пошире, ухнуть, шарахнуть во что ни хлыстнетъ, утѣшая себя мыслию: придетъ великій постъ—сокращусь и наверстаю.

— Ви знаете, чего бы я себѣ хотѣлъ? говоритъ мнѣ геръ Ицко изъ Бердичева.

— Конечно денегъ,—догадываюсь я.

— Псѣ!... Я бы себѣ хотѣлъ, чтобы мнѣ Дума обложила налогомъ у въ полкопейки увсякій блинъ въ Москва на эту одну недѣлю у въ мою пользу. Какой бы капиталъ я собралъ,—ой вай! Потому у русскихъ и денегъ нѣтъ, что они милліоны у брюхо себѣ кладутъ.

Пожалуй геръ Ицко и правъ. Не даромъ говорятъ въ Малороссіи: «*Кабы не губка (губы)—была-бъ золота шубка*».

МАСЛЯНИЧНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

СОСТАВИЛЪ Я.

I

ПАРАЛЛЕЛЬНАЯ ТАБЛИЦА.

ИСТОРИЧЕСКІЯ СОБЫТІЯ:	ИСТОРИЧЕСКІЯ СОБЫТІЯ.
8 февраля.	8 февраля 1819 года.
Капуцъ масляницы. Жаждемъ веселья, а потому, приберегая силы, воздержны и разумны, при чемъ много и хорошо думаемъ.	Учрежденъ петербургскій университетъ.
9 и 10 февраля.	10 февраля 1828 г.
(1-й и 2-я день масляницы). Вкусил! по утѣренно, а потому лобызаемъ другъ друга и, въ избыткѣ чувствъ душевныхъ, прощаемъ всѣхъ враговъ нашихъ.	Заключенъ миръ съ Персією въ Туркманчаѣ.

11 и 12 февраля.

(3-й и 4-й дни масляницы). Переложили! Здороваемся съ фонарными столбами, прикладываемся къ тумбамъ, трамбуемъ лбомъ мостовую и считаемъ затылкомъ ступени подъѣздовъ и лѣстницъ.

12 февраля 1799 г.

Учреждена Медико-Хирургическая Академія.

13 февраля.

(5-й день масляницы). Сами себя не помимъ: сокрушаемъ съ грохотомъ посуду, зеркала, люстры, лампы, зубы, губы, стекла, ребра и все и вся!

15 февраля 1834 г.

Битва при Гроховѣ.

14 февраля.

(Последній день масляницы) Чувствуемъ угрызеніе совѣсти и приближеніе поста и молитвы, а потому водворяемъ нѣкоторый порядокъ.

14 февраля 1598 г.

Избраніе царя Бориса Годунова.

Необходимое примѣчаніе. Настоящій календарь не можетъ быть примѣнимъ къ Петербургу, такъ какъ тамъ масляница начинается съ того дня, въ который Овсянниковъ приглашалъ на знаменитые блины г-на Кокорева.

II

ОТДѢЛЪ АСТРОНОМИЧЕСКІЙ.

Состояніе нашего душевнаго расположенія и отъ сего зависящія дѣйствія наши — будетъ согласоваться во всѣ дни масляницы съ тѣми небесными знаками, которые ниже сего поименованы, а именно:

Левъ — первый день масляницы — храбры.

Дѣва — второй день масляницы — амуричаемъ.

Близнецы — третій день масляницы — послѣдствія второго дня.

Стрѣлецъ — четвертый день масляницы — воюемъ.

Козерогъ — пятый день масляницы — все сокрушаемъ.

Ракъ — шестой день масляницы — вполне уподобляемся сему знаку.

«Видимыхъ» и «невидимыхъ» затмѣній — будетъ «видимо-невидимо».

III

ОТДѢЛЪ МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКІЙ.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТАБЛИЦА ГРАДУСОВЪ.

Въ первоклассныхъ трактирахъ.	42°/о
Во второклассныхъ.	30°/о
Въ прочихъ.	20°/о
Въ «распивоchno и на вышось».	10°/о
У Яфа.	?

Крѣпость водни

СУТОЧНАЯ АМПЛИТУДА.

или величина суточныхъ колебаній.

(По градуснику винныхъ паровъ въ головѣ истиннаго любителя масляничныхъ удовольствій).

Въ 9 часовъ утра — 10°/о (Почти ничего).

Въ 11 — — 20°/о (Замѣтно).

Въ 1 часъ по полудни — 35°/о (Колебаніе видимо).

Въ 3 часа по полудни — 50°/о (Колебаніе въ видѣ размашистаго маятника).

Въ 6 час. по полудни — 70°/о (Клюетъ носомъ снѣгъ и становится на четвереньки).

Въ 9 часовъ вечера — 90°/о (Положительность Колебаній никакихъ).

IV

ОТДѢЛЪ ВНУТРЕННЯГО БЛАГОУСТРОЙСТВА.

дни открытія присутственныхъ мѣстъ во время масляницы

Въ первый и второй день — кварталъ.

Въ третій и четвертый — часть.

Въ пятый и шестой — камера мирового судьи.

Въ седьмой — «Титы».

Сверхъ того, во всѣ дни масляницы въ Артистическомъ Кружкѣ открыто земское и городское самоуправленіе.

V

ОТДѢЛЪ РАЗНЫХЪ СПРАВОКЪ.

МЪРЫ.

Въ первый и второй день — по рюмочкѣ.

Въ третій и четвертый — по стаканчику.

Въ пятой и шестой — изъ горлышка.

Въ седьмой — безъ всякой мѣры.

ВЪСЬ.

Въ теченіи масляничной недѣли всѣ покупатели колониальныхъ, овощныхъ и т. п. товаровъ будутъ получать все требуемое по слѣдующей таблицѣ:

Въ первый и второй день, вмѣсто фунта,	60	золотник.
Въ третій и четвертый	»	» 40
Въ пятой и шестой	»	» 20
Въ седьмой	»	» что дадутъ.

жельзные дороги.

Всѣ жельзные дороги, въ теченіи масляницы, будутъ исполнять слѣдующую программу:

Въ первый и второй день — быстрота движенія отъ 70 до 100 верстъ въ часъ; при чемъ *maximum* движенія будетъ примѣняемо исключительно на крутыхъ поворотахъ и на насыпяхъ значительной высоты.

Въ третій и четвертый день — товарные поѣзда будутъ палимы огнемъ и разбиваемы въ дребезги, при

чемъ общества желѣзныхъ дорогъ будутъ вознаграждать потерпѣвшихъ отъ сего распоряженія отправителей по 7 копеекъ за пудъ погибшаго товара, безъ различія его дѣйствительной стоимости.

Въ пятой и шестой день. — Эти дни назначены для сокрушенія *пассажирскихъ* поѣздовъ, при чемъ *минимомъ* подражанія будетъ служить катастрофа на Тигульской насыпи. Всѣ потерпѣвшія въ семь случаевъ могутъ заранѣе рассчитывать на соответствующее ихъ въроисповѣданію приличное погребеніе и вполне масляничное поминовеніе.

Въ седьмой день. — Никакого движенія по желѣзнымъ дорогамъ не будетъ.

ТЕЛЕГРАФЪ.

Во всѣ дни масляницы въ порядкахъ отправленія и передачи депешъ произойдетъ слѣдующее измѣненіе:

Напримѣръ, депеша слѣдующаго содержанія: «*Овсянниковъ приговоренъ въ Сибирь, избавился каторги потому, что ему 75 лѣтъ.*»

Въ первый и второй дни масляницы, будетъ передаваться такъ: «*Овсянниковъ потому избавился каторги, что приговоренъ въ Сибирь на 75 лѣтъ.*»

Въ третій и четвертый день, эта же депеша будетъ сообщена иначе, а именно: «*70 Овсянниковыхъ приговорены въ Сибирь, потому что на каторгу.*»...

Въ пятой и шестой дни: «*70 Сибирей приговорены на каторгу въ Овсянниково.*»...

Въ седьмой день: «*Срибри про краторку Овсябится.*»... Далѣе невозможно будетъ разобрать.

Примѣчаніе. Въ послѣдніе дни масляницы депеши въ 20 словъ будутъ казаться въ 40 и т. д. добѣя до того, что буквы, въ глазахъ кого слѣдуетъ, превратятся въ весело-прыгающія точки.

Отъ редакціи календаря: для полноты различныхъ свѣдѣній редакція календаря почтительнѣйше проситъ гг. Гоппе, Суворина, Гатцука и другихъ календарныхъ дѣлъ мастеровъ сообщить ей свои замѣчанія, которыя съ признательностію будутъ приняты.

КОМУ КАКІЯ ПЕСЫ НРАВЯТСЯ И НЕ НРАВЯТСЯ

«*Я мяншикъ*» — очень нравится режиссеру московской балетной труппы: это его любимая піеса.

«*Легкая надбавка*» — никому такъ не нравится, какъ домовладѣльцу доходныхъ домовъ Форсунову.

«*Продажное дитя*» — очень понравилась въ послѣднее время адвокату Спасовичу.

«*Шустрому коту будетъ хорошо и въ посту*» — піеса эта очень нравится въ настоящее время Н. Потѣхину.

«*Слѣпой курицѣ все пшеница*» — понравилась очень Обществу Коммерческаго Кредита.

«*Не шути отемъ—обожжешься*» — очень не нравится С. Т. Овсянникову.

«*Его превосходительство, или средства правиться*» — очень нравится Соломону Соломоновичу.

«*Взаимное обученіе*» — любимая піеса маіора Худякова и его фельетониста Лейкина.

«*Милые бранятся—только тѣшатся*» — очень нравится редакціи «Биржи» и «Биржевыхъ Вѣдомостей».

«*Не лобо не слушай, а мать не мѣшай*» — любимая піеса моск. фельетониста «Петербургской Газеты».

«*Много шуму изъ пустяковъ*» — очень нравится членамъ Дворянскаго клуба.

«*Ревизоръ*» — очень не понравилась правленію Одесской желѣзной дороги, особенно г-ну Чихачеву.

«*Вакантное мѣсто*» — очень многимъ начинаетъ нравиться въ Москвѣ.

«*Гроза*» — очень не нравится Струсбергу съ К^о изъ Коммерческаго Ссуднаго банка.

«*Со ступеньки на ступеньку*» — не нравится нѣкому фабриканту Матвѣю Сидоровичу.

«*Тартюфъ*» — любимая піеса редактора «Домашней Бесѣды».

«*Скупой*» — очень нравится Григорію Никоновичу.

«*Старый баринъ*» — очень нравится м-ше Зоѣ, — не посмотритъ она на него.

«*Званый вечеръ съ итальянцами*» — очень понравилась Митрофанушкѣ, но очень не понравилась итальянцамъ.

«*Финансовый гений*» — очень не понравился геніямъ московскихъ банковъ.

Г О В О Р Я Т Ъ

Говорятъ, что на масляницѣ въ четвергъ днемъ въ Стрѣльнѣ будетъ завтракъ московскихъ барскихъ и купеческихъ кучеровъ, который устраиваютъ московскіе рысачики, давшіе народъ на улицахъ. Для кучеровъ будутъ устроены блины и угощеніе и будутъ пѣть цыгане. Вотъ ужъ можно сказать, что съ жиру бѣсятся.

Говорятъ, что одного большаго ревматизмомъ безъ рукъ и ногъ, при 20-ти градусномъ морозѣ возили по всѣмъ московскимъ больницамъ и ни въ одной не приняли. Когда же наконецъ въ Москвѣ устроится больничное бюро?

Говорятъ, что цинизмъ и развратъ на танцевальныхъ вечерахъ въ Москвѣ превосходятъ всякую мѣру терпимости. Странно, если это правда.

Говорятъ, что въ трактирѣ Егорова на Домпиковской улицѣ, такъ недавно прославившемся Мамаевымъ побоищемъ, по прежнему происходятъ по ночамъ оргіи, буйства и драки.

Говорятъ, что въ Дворянскомъ клубѣ все еще не окончилась распря о роковомъ ужинѣ подъ новый годъ, который вышелъ такимъ неудачнымъ, благодаря г-мъ старшинамъ.

Говорятъ, что Англійскій клубъ процвѣтаетъ и возвращается къ прежнимъ временамъ своей славы, а московское Купеческое собраніе въ финансовомъ отношеніи меркнетъ, доходы убавляются и съ прошлаго

октября оно находится въ убыткѣ. Правда ли это? если правда, то очень грустно и въ чемъ же кроется причина этого уадака?

Говорять, что безпатентный аблокать специалистъ по взысканіямъ, по безнадежнымъ векселямъ жидъ Орешъ Вадиковъ К*. проживающій въ Москвѣ подь видомъ довѣреннаго торговца чаемъ, тоже еврея Ш*, только и ищетъ практики, какъ бы кого по векселю усадить въ долговое и высосать, что только можно, хотя бы для этого пришлось пустить семью должника буквально по міру.

Говорять, онъ же посадилъ однажды въ яму женщину съ мѣсячнымъ груднымъ ребенкомъ и, покуда несчастную мать возили взадъ и впередъ по мытарствамъ и потомъ отвезли въ долговое, ребенокъ простудился до смерти. Все это однако еврей аблокать творить на законномъ основаніи. Но самъ онъ проживаетъ въ Москвѣ на самомъ незаконномъ основаніи: въ 173 г. предписано было выслать его съ семействомъ изъ Москвы въ 24 часа административнымъ порядкомъ; но оказалось, что онъ *выбылъ* изъ города. Нѣсколько времени спустя, *прибылъ* въ городъ Осипъ Целестиновъ К*. (т. е. сдѣланъ вольный переводъ имени съ еврейскаго

на русскій языкъ), а какъ административное удаленіе Ореша К* ничего общаго съ Осипомъ К* не имѣетъ, то Осипъ К* проживаетъ въ Москвѣ и по нынѣ, продолжая практиковать преимущественно по выжиманію съ безнадежныхъ плательщиковъ, (надежныхъ взысканій ему не поручаютъ). И Орешъ К* и Осипъ К* удивительно похожи лицомъ другъ на друга. И тотъ, и другой имѣютъ особое пристрастіе жить въ Мясницкой части 4 кв. Евреи вѣрятъ предразсудкамъ и всегда держатся упорно того мѣста жительства, гдѣ имъ везетъ въ гешефтахъ.

ПОПРАВКА. Въ прошломъ № въ нѣкоторыхъ экземплярахъ 4 строки изъ отдѣла «Говорять» съ 96 страницы опали при переверткѣ на 1-ый столбецъ 95 страницы вверху.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отъ мрака къ свѣту. М. Е. Политковской — Падшая. Стих. А. Г.—чева — Отъ редакціи. — Масляница. Стих. Правда. — Бесѣды мичмана Жевакина съ публикой. — Масляничъй календарь. — Кому какія пѣсни нравятся и не нравятся. — Говорять. — Исунья. — Объявленія.

Редакторъ-Издатель **Ф. Б. Миллеръ.**

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я

Лучшій способъ для распространенія публикацій всякаго рода есть указатель

ФРУМЪ

чрезъ котораго не трудно получить въ споромъ времени извѣстность въ Россіи и за-границею. Онъ указываетъ съ точностью приходы и отходы желѣзнодорожныхъ поездовъ и пароходовъ, извѣщаетъ о таричахъ и разстояніяхъ мѣстностей, извѣщаетъ о путешествіяхъ со всеми значительными городами, ихъ окрестностями и достопримѣчательностями, съ лущики русскими и заграничными минеральными водами и гостиницами, съ монетами и употребительнымъ вѣсомъ. Ежегодное изданіе указателя по крайней мѣрѣ 60,000 экземпляровъ, почему и издѣлать его можно во всѣхъ гостиницахъ и на всѣхъ желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ станціяхъ. Изъ этого видно, что публикація въ указателѣ есть вѣрное средство получить европейскую извѣстность, между тѣмъ какъ цѣна за публикацію очень умеренна. Ежемесячное изданіе, мѣсякомъ разборчивымъ шрифтомъ, содержащее 23—24 листа съ приложеніемъ новой желѣзнодорожной карты Россіи, продается по 40 и.

за экземпляръ у редактора-издателя Г. Б. Фрумъ въ МОСКВѢ: у Красныхъ воротъ въ д. Югансовъ и въ д. Филатовъ, близкій Идога; въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, Васил. Островъ, Загибенинъ пер. № 3; въ ОДЕССѢ, у книгопродавца Дайбера; въ НИЖНЕМЪ-НОВГОРОДѢ, въ собственномъ домѣ; въ ВАРШАВѢ, въ книжномъ магазинѣ „Агемство для русскихъ книгъ въ Царствѣ Польскомъ“ и въ Европейской гостиницѣ; въ ХАРЬКОВѢ, Г-нѣ Мантейсселъ; въ РИГѢ, въ книжномъ магазинѣ Кюмкеръ.

Въ книжныхъ магазинахъ въ Москвѣ и С.-Петербургѣ
поступила въ продажу новая книга

МЕКСИКАНСКАЯ МЕСТЬ

соч. ГУСТАВА ЭМАРА М. 1876 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Складъ изданія у книгопродавца П. В. ШИШОВА.